

Скоро я притопаю в Одессу...

Судно тяжело качало. Сашка спал, лежа на животе. От качки тело его двигалось из стороны в сторону. Упираясь ногами и локтями в переборку и в коечное ограждение, старался во сне удержаться от изматывающего ерзанья и не упасть с кровати.

Хлопнула дверь, вошел вахтенный.

— Саша! Три часа! — и потряс за плечо.

— Угу, — промычал Сашка.

Вахтенный ушел. Открывать глаза не хотелось. Но надо было вставать, умываться, завтракать и идти к четверем на вахту. Рывком поднялся. Каюта куда-то падала. Тело становилось легким, казалось, еще немного — и взлетит. Схватился за умывальник, глянул в зеркало. На него смотрела усталое лицо с трехдневной щетиной. Провел рукой по подбородку.

— Ладно, побреемся после шторма, — сказал в зеркало.

Старательно почистил зубы, умылся. Привычно балансируя на уходящей палубе, оделся. Вышел в коридор. Хватаясь за поручень, пошел в столовую. Бортики столов были подняты. На мокрой скатерти (чтобы не скользила посуда) стоял обычный завтрак: чай, хлеб с маслом и сыром, героически приготовленная дежурная каша. Обычный судовой завтрак в любую погоду. Мастерство морского повара заключается в том, чтобы еда была нормальной всегда, невзирая на шторм.

Покончив с завтраком, направился на мостик. Ровно в три пятьдесят пять спросил разрешения и вошел в рубку. Шторм штормом, а на вахту нужно выходить вовремя.

Была ранняя весна. Дул обычный в это время года восьмибалльный зюйд-ост. В ясном небе ярко светило солнце, отражаясь в каждой капле. Зеленовато-белесые гребни волн, покрытые сеткой пены, пронизанные солнечными лучами, казались прозрачными.

С полным грузом судно накрывала почти каждая волна, высоко вздымаясь по сторонам форштевня. Гребень ее с шумом прокатывался по грузовой палубе, клокоча и завихряясь у расширителей. Ветер подхватывал густые, тяжелые брызги и с силой бросал их в надстройку, в стекла рубки, на какое-то мгновение закрывая обзор. Создавалось впечатление, что судно идет под водой. Взбираясь на очередную волну, корпус скрипел и дрожал от напряжения. В груди в такт качке что-то сжималось и отпускало.

Сашка внимательно осмотрел горизонт. Спросил "добро на руль". По-

дошел к рулевому. Тот назвал курс, Сашка повторил его и взял штурвал. Шли на ручном управлении. На такой волне авторулевой не держал. Сверил магнитный с гирокомпасом. Приноровился к размаху катушки на волне и умелыми руками удерживал так, чтобы, взбираясь на волну или падая с нее, судно как можно меньше бросалось из стороны в сторону. Как говорят моряки, "меньше рыскало". Хороший рулевой должен чувствовать заранее, куда и когда кинется судно, чтобы успеть переложить руль и удержать судно. Для этого, кроме хорошей практики, надо иметь особые способности или, если хотите, талант. Матрос, обладающий этими качествами в большей степени, чем другие, назначается старшим рулевым. Он стоит на руле при проходе проливами, каналами, при заходе и выходе из порта и в других случаях, когда этого требует навигационная обстановка. В остальном он несет вахту, как все. Александр был старшим рулевым.

Освоившись с обстановкой, начал мечтать о том, что через три дня — Одесса, в которой не был три месяца. Радовала будущая свобода в городе, который стал для него родным, в котором можно расслабиться и чувствовать себя как дома. Родственников у Сашки в Одессе не было. Его никто не ждал. Родом он был из Анапы, там жила мать. Но все равно Одесса — родной порт. Дерibasовская, полная красивых женщин. Приветливые к морякам за щедрые чаевые официантки и буфетчицы. Проститутки, для которых моряки были лучшими клиентами. За короткую стоянку в порту амурсы разводили некогда. С женщинами "легкого поведения" всегда проще и честнее. А часы, проведенные вместе, были как бы игрой в настоящее. Одесса — город любви. Как пел Окуджава:

Кричат над городом сирены,
и птицы крыльями шуршат,
и припортовые царевны
к ребятам временным спешат...

От этих мыслей сладкая истома и жар желания растекались по телу. Сашка потянулся, как мартовский кот, до хруста в костях: "Скоро, скоро все будет моим". И в первую очередь конец судовой жратве. Теперь уже недолго. Ресторан с вкусной едой и выпивкой, женщина рядом. "Хоть ненадолго, но моя". Он потихоньку замурлыкал:

Скоро я притопаю в Одессу,
Обниму я там свою принцессу...

Босфор встретил хорошей весенней погодой. Сашка с удовольствием отстоял на руле пролив. Вышли в родное Черное море. На судне царил предпраздничная суэта. Погода была вполне приличной. Ветер уже был родным. Судно, слегка покачиваясь, вздрагивало от высоких оборотов двигателя, спешило в родной порт. Механики крутили вовсю. Капитан хотел прийти с рассветом.

Восток начал светлеть. В туманной дымке ожидаемого берега вдруг белым огнем блеснул Одесский маяк на мысе Большой Фонтан. После поворота показался красный свет Воронцовского. Капитан говорил с портом по радиотелефону. Нам обещали сходу лоцмана и причал.

Подшли к рейду. Брызнули первые лучи солнца. Из ворот порта показался лоцманский катер и направился к нам. Мы шли навстречу "самым малым". Матросы спустили лоцманский трап. Катер поравнялся, затем круто повернул и полным ходом пошел к борту. Лоцман стоял на палубе, держась за поручень. Катер уже шел параллельно судну, медленно приближаясь к борту, к тому месту, где висел трап. Коснулся борта. Лоцман ухватился за трап и стал взбираться. Как только он показался над палубой, третий помощник помог ему подняться и повел на мостик. Распахнув дверь рубки, пропустил лоцмана, вошел следом и, указывая рукой, сказал: "Наш капитан". Лоцман подошел и поздоровался. Они перекинулись несколькими словами, характеризующими судно. Затем капитан громко сказал: "Слушать команды лоцмана!" — и уступил место у центрального окна. Лоцман скомандовал: "Малый вперед!" — и, указав Сашке дом на берегу, на который надо держать, сам начал вести переговоры по УКВ с буксирами и постом. После переговоров сказал капитану номер причала и названия буксиров. Судно легло на створы и входило в канал. Обстановка на мостике была напряженной. Тишина нарушалась командами лоцмана на руль и буксирам по УКВ. Лицо капитана было сосредоточенным. Еще немного — и он может доложить, что рейс прошел благополучно. Вот судно, подхваченное буксирами, втягивается в ворота нефтегавани. Напряжение на мостике достигает предела. И вдруг капитан начинает рассказывать лоцману какую-то ерунду, которая была в рейсе. Это сработала защитная реакция организма. Нервное напряжение достигло предела. Лоцман в такт разговора кивал головой, одновременно глаза его сосредоточенно мерили расстояние до брекватера, до причала, он следил, как вписывается судно в поворот. А в промежутках между командами автоматически повторял нараспев: "Так, отлично, хорошо, хорошо". Этим он ста-

рался снять напряжение с капитана. Швартовка прошла спокойно. Концы закреплены, поставлен трап, буксиры свободны. Лоцман повернулся к капитану, широко улыбнулся и протянул руку.

— С благополучным окончанием рейса, капитан!

Тот пожал руку и вручил лоцману сверток, в котором была бутылка виски — традиционный презент для лоцмана во всем мире. Третий помощник проводил лоцмана к трапу. Все ушли с мостика.

Сашка выключил рулевую, замкнул мостик, спустился к трапу. Вахта еще продолжалась. На борт поднялись пограничники и таможня. Через несколько минут по трансляции раздалось: "Судно к досмотру изготовить!". Досматривали нас около трех часов. В иностранных портах эта процедура занимает не более двадцати-тридцати минут. Все закончилось благополучно. Пришли шланговщики. Присоединили шланги. Началась выгрузка — слив груза. Главное — не допустить его разлива. День клонился к вечеру. Боцман расписал вахты. Сашка попал в рабочую бригаду на обеспечение выгрузки. Ужинать не стал. Мотнулся в душ, переоделся. Брюки хаки, голубая сингапурская репсовая рубашка, легкая светлая куртка, на ногах сингапурские же сандалеты и яркие нейлоновые носки. Друг его, Миша-токарь, одет был приблизительно так же. В общем, все моряки практически одевались одинаково.

Зарплату за рейс получили у третьего помощника. Положили в карманы по паре пачек американских сигарет. Прихватив небольшой сверток, в котором было несколько пар носков и косянок, купленных за границей, сошли на берег. Солнце клонилось к закату. Вышли из проходной. Воздух был пропитан запахом цветущей акации. Остановились, закурили, жадно затянулись, медленно выпуская дым, увидели, как таксист машет рукой. Сели в машину. С любопытством разглядывая изменения, происшедшие в городе после последнего захода, покатали в центр. Центр в Одессе совершенно конкретный: это угол Дерибасовской и Екатерининской, а точнее — у кафе "Алые паруса". Они вышли из машины на Гаванной у ресторана "Волна". В ресторан было рано. Нужно все-таки выйти на центральный угол. Весь рейс мечтали об этом. И вот они здесь. Цель достигнута. Охватила даже некоторая растерянность.

Пришли, остановились, закурили, распространяя приятный запах американских сигарет. Их тропический загар и этот запах как бы говорили — мы только из рейса. Начали подходить знакомые моряки. Несколько раз зашли в кафе "Минутка". У стойки выпили по рюмке коньяка и по чашке кофе. Оживленный разговор о товарищах, пароходах, женщинах.

Начало темнеть. Зажглись фонари, осветились витрины. Народу стало больше. Появились гуляющие. Много красивых женщин. Друзья, уже слегка поддатые, жаждали приключений. Моряки считали, что на берегу надо все начинать с ресторана: там музыка, танцы, водка, придающая решительность, и женщины, которых можно пригласить. Вернулись к популярному среди моряков ресторану "Волна". У входа толпились желающие попасть сюда. Моряков пропустили без разговоров. Одесситы уважали их и пропускали без очереди в кино, ресторан, магазин. Вошли. Зал был полон. Громко играл оркестр. За столами шумно разговаривали, перекрикивали музыку.

На пятачке около эстрады в сизом табачном дыму танцевали пары. Подошла толстая официантка неопределенного возраста:

— Мальчики! Идемте, я вас посажу!

Протискиваясь между сидящими, она подвела к столику у танцевального круга, за которым уже сидели два парня.

— Что будем заказывать?

— Бутылку водки, "Куяльник" и закуску какую-нибудь.

— На горячее бризоль? — спросила она.

— Да!

— А что у вас есть?

Она имела в виду товар на продажу.

— Давайте, покажу девочкам.

Они отдали сверток. Через пятнадцать минут принесла водку и закуску. Назвала сумму за товар. Цена была в два раза ниже, но они согласились. Официантка знала, что они согласятся. Деньги она даст, когда будут уходить, за минусом счета. Это обычный вариант.

Моряки опрокинули по рюмке, налили по второй. По телу разлилась приятная истома. Как говорят, — "захорошило". Настроение стало прекрасным. Начали рассматривать посетителей, в первую очередь женщин. Старались поймать взгляд тех, которые сидели за соседними столиками, и перемигнуться. С каждой рюмкой женщины становились все интересней и интересней. К некоторым подходили и приглашали танцевать. Некоторые шли, другие отказывали. Хмель и окружающая атмосфера все больше и больше туманили голову. Время подходило к одиннадцати. До закрытия оставался один час. Своих женщин у моряков все еще не было. Надо торопиться. Сашка пригласил танцевать девушку, сидевшую за соседним столом, которая, как показалось ему, смотрела на него приветливо. Он прильнул к ее щеке, рука с растопыренными пальцами опустилась

ниже талии, и горячим шепотом на ухо понес всякую чушь. Увлечшись монологом, не замечал ничего кругом. Вдруг его дернули за плечо. Он обернулся, крепкий удар пришелся прямо в левый глаз. Автоматически нанес ответный. Их было больше. Друзья отступали к выходу. Получив несколько хороших ударов, выскочили на улицу и рванули за угол, на Гаванную. В полутьме налетели на двух женщин.

— Мальчики! Вот здесь такси! — кричали они, держа моряков. Ринулись в машину. Женщины за ними. Хлопнули дверцы, таксист, понимая обстановку, рванул полным. Мозги от спиртного и нескольких ударов соображали плохо. Ехали минут пятнадцать. Голова потихоньку приходила в себя. Попутчицы что-то щебетали о том, как у них хорошо и уютно. Потом машина остановилась. Мишка и одна из женщин вышли. Проехали еще немного.

— Заплати шоферу. Мы приехали, — сказала она. Сашка рассчитался, вышли. Окрина города. Темно, фонарей не видно. Они стояли перед каким-то баром.

— У тебя деньги есть? Нужно заплатить хозяйке.

Сашка нащупал в кармане несколько купюр, протянул ей. Она взяла его за руку и повела по длинному темному коридору. Наощупь открыла дверь. Вошли в комнату, чуть освещенную лунным светом, падающим сквозь тюлевую занавеску.

— Не будем зажигать свет? — попросила она.

Сашка промолчал. Она подошла к постели и в несколько движений расстелила ее. Он схватил ее сзади.

— погоди, сейчас, сейчас, — прошептала она. Повернулась к Сашке и стала снимать с него рубашку. Он быстро сорвал с себя одежду.

— Ложись, — и накрыла его одеялом.

Сама раздевалась не спеша, аккуратно складывая вещи. Желание сжигало его. Он схватил рукой за талию ее худую невысокую фигуру, едва различимую в темноте, и рывком перекинул через себя под стенку. Почувствовав женское тело, подмял под себя и начал творить такое, что может творить здоровый, сильный мужчина в расцвете сил, у которого три месяца не было женщины. Этой буре не было конца. Она тяжело дышала, иногда постанывала, но не от страсти, а от тяжелой физической работы. Он этого не замечал. Его ум был залит пеленой неудовлетворенной страсти. Перерывов не было. Не пускал ее даже умыться. Алкоголь затягивал время. Сашка тискал и заламывал ее сильными руками, как тряпичную куклу, и наваливался тяжелым мускулистым телом. У нее уже не было сил.

Заснул за полночь, сразу и глубоко.

Проснулся на рассвете, как на вахту. Голова раскальвалась. Мышцы ныли, как будто разгрузил вагон угля. Во рту сухо и неприятно. Окинул взглядом комнату. У двери стояло ведро, накрытое фанеркой, с кружкой на ней. Жадно напился. Поставил кружку. Огляделся повнимательней. Комната была очень бедная. На вешалке висело несколько детских вещей. На столе у окна — школьные учебники. В постели глубоким усталым сном спала пожилая женщина с худым изможденным лицом, положив под щеку натруженную руку с вздувшимися венами. Волосы, окрашенные в белый цвет, у корней были с сильной проседью. Грудь, видневшаяся из-под одеяла, была пустой, обвисшей, с впалыми сморщенными сосками.

Сашке вдруг стало стыдно. Захотелось скорее уйти. Он торопливо оделся, пошарил по карманам. Мореходка на месте. Достал несколько мятых купюр. Оставил на такси, остальное бросил на стол. Тихо вышел из комнаты и быстро пошел по коридору.

Такси поймал сразу. Видавший виды таксист задержал взгляд на Сашкиной физиономии, покачал головой, дымя приклеенным в уголке рта окурком, спросил:

— В порт?

— На нефтегавань.

И тяжело опустился на сидение. Состояние было отвратительным. Хотелось распахнуть душу и плюнуть в нее. На трапе вахтенный взглянул на Сашку, уважительно сказал: "Ого!". Сашка быстро прошел в каюту и сразу к умывальнику. В зеркале отразилась отечная рожа с красными глазами. Левый наполовину закрывала солидная багровая опухоль. Губы, как после лихорадки, запеклись и потрескались. Отпрянул от зеркала и быстро стал раздеваться. Обернулся полотенцем, старательно почистил зубы и рысью в душ. Горячие струи воды успокаивали тело и душу. Залпом выпил полбутылки боржоми. Надел чистое рабочее и повалился на диван. О прошедшем вечере и ночи не хотелось вспоминать, но мысли упорно лезли в голову.

Сашка в разговорах слышал о таких проститутках. Это низшая ступень их касты. Такие уже не рискуют показываться при свете. Вряд ли кто на трезвую голову остановит взгляд на них. Они ловят в темноте пьяных моряков, которым уже все равно, лишь бы. Это у них, конечно, не от любви к "профессии", а от необходимости приработать к ничтожной зарплате, чтобы как-то кормить детей, помогать еще более бедным родителям. Как правило, это матери-одиночки. На жаргоне их зовут "дешевками".

Надо было идти завтракать. Надел темные очки и вышел из каюты. В коридоре столкнулся с боцманом.

— Здравствуйте, Михалыч! — поздоровался Сашка.

— Стой, стой, стой! А ну сними очки!

Сашка снял.

— Дааа! — пропел боцман. — Что? Плохо тебе. А ну, иди за мной, — и повел к себе в каюту. За столом сидела кругленькая симпатичная боцманша. Стол уставлен различными одесскими яствами. Сашка поздоровался. Боцман налил полстакана водки, наколол соленый огурчик и все это протянул Сашке.

— Давай! Поправь голову.

Сашка помялся из вежливости и с трудом выпил.

— А теперь иди завтракай.

В столовой ребята, понимая, в чем дело, подначивали. Просили снять очки и добродушно смеялись. После завтрака, на разводе, боцман, глянув на Сашку, сказал:

— На берег тебе уже незачем. Ты свое "удовольствие" получил. Сменишь на вахте Петренко, пусть сходит на берег и тоже получит свое "удовольствие".

Кивнул на Сашкин подбитый глаз и направился в подшкиперскую.

Пасмурное утро. Накрапывает теплый весенний дождь. Выгрузка закончена. Жены уходят. Несут сонных детей, тащат сумки с покупками, сделанными мужьями за границей. Они их продадут, и на эти деньги будет жить семья, будут помогать близким, и так до следующего раза. Прибыли таможенники с пограничниками. Два часа трусили и обшаривали судно от киля до клотика. Слава Богу! Ничего не нашли. Пришел лоцман — ушла комиссия. Аврал. Экипаж разошелся по местам. Буксиры медленно отводят судно от причала. Продолжает моросить дождь. На берегу жены, дети, родители прощально машут. Развернули на выход, отдали буксиры. Звякнул телеграф, заработала машина, задрожала палуба под ногами. Старший рулевой держит на выход между буями канала. Видимость ограничена. Вот Воронцовский. Тревожно гудит сирена. Катер снял лоцмана. Отбой аврала. Сашка передал руль и вышел на крыло. Перед тем как спуститься, долго смотрел на уходящий порт.

Машина набирала обороты, росла скорость. Судно потихоньку покачивала мертвая зыбь. За кормой стелился широкий пенный след от чуть оголенного винта. Над ключьями пены с криком вились чайки, хватили мелкую рыбешку. Город таял в сетке дождя.